

П. Н. Ткачев

Сочинения в двух томах

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Н. Ткачев**
Сочинения в двух томах: Том 2 / П. Н. Ткачев – М.: Книга по Требованию,
2012. – 642 с.

ISBN 978-5-458-23908-0

Во второй том включены произведения по философии, социологии, этике, истории, психологии, педагогике и т.д., а также основные программные статьи из органа «якобинского» течения в русском революционном народничестве журнала «Набат», написанные П. Н. Ткачевым в 70-х – начале 80-х годов XIX в. в эмиграции. Большинство произведений П. Н. Ткачева, напечатанных в журнале «Дело», ранее не переиздавались.

ISBN 978-5-458-23908-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ В РОССИИ

(письмо к редактору журнала «Вперед!»)

НЕБОЛЬШОЕ ЛИЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

В конце прошлого года, живя в ссылке, я получил несколько заявлений, частью анонимных, частью с подписями, приглашавших меня оставить ссылку, ехать за границу и принять участие в только что возникшем тогда органе «русской радикальной революционной партии» «Вперед!»¹. Мне известно было, в чьих руках находится это издание; я знал, что его первая программа (ходившая по рукам в литографированных листах) возбудила одно лишь негодование во всех честных кружках нашей молодежи и что его вторая программа хотя и произвела более благоприятное впечатление, но мало кого вполне удовлетворила. Я знал также, что первая книжка журнала среди наиболее радикальной молодежи была встречена крайне холодно и что некоторые статьи в ней (например, «Знание и революция») вызвали с ее стороны горячие и резкие протесты². Ввиду этих данных я начинал опасаться за будущее новорожденного органа. Я боялся, что он не в состоянии будет сделаться тем, чем он желал сделаться и чем он должен был сделаться, — литературным представителем, истолкователем истинных потребностей нашей юной радикально-революционной партии; я боялся, что он, вместо объединения этой партии, бросит в нее только новое яблоко раздора, внесет новое разъединение и, таким образом, вместо того чтобы оказать пользу, принесет один лишь вред революционному делу. Хотя я не придаю большого значения журнальной пропаганде, но все же я считаю ее *одним* из средств революционной борьбы, одним из средств, которым нельзя игнорировать, но на которое и не следует тратить слишком много революционных сил.

В особенности этим средством нельзя игнорировать, когда оно употребляется не так, как *следует*. При нецелесообразном употреблении оно приносит несравненно большую сумму вреда, чем та сумма пользы, которую оно могло бы принести при употреблении целесообразном. В последнем случае все, что оно может сделать,— это натолкнуть несколько юношей на практическую революционную деятельность, разъяснить им пути и способы этой деятельности, вызвать в обществе *сознание* своего недовольства существующим порядком. В первом же случае оно не только может содействовать *притуплению* этого сознания, отвлечению юношей от практической революционной деятельности и т. п., но еще и внести раздор в революционную партию, приучить молодежь к вредному резонерству, к тому, что да позволено мне будет назвать революционным онанизмом. Под влиянием этих соображений и этих опасений я счел своей обязанностью последовать сделанным мне приглашениям: оставить ссылку и войти в непосредственное сношение с редакцией «Вперед!».

Я был, конечно, далек от мысли, что своим участием в журнале могу что-нибудь прибавить к обширным научным знаниям и литературному таланту лица, взявшего на себя ведение дела. Я знал, что лицо, заведующее редакцией, человек весьма сведущий в сфере математических, философских и исторических знаний, но что он весьма мало сведущ в сфере тех практических вопросов, тех насущных интересов, которые занимают и волнуют нашу молодежь.

Он по возрасту человек другого поколения, поколения сороковых годов, поколения отцов; поколения «детей», поколения той *новой молодежи*, которая выработалась под влиянием общественных условий, непосредственно предшествовавших крепостной реформе, и которая с таким шумом выступила на сцену в начале шестидесятых годов,— этого поколения он не знает, а если и знает, то знает, так сказать, теоретически, по слухам и по книжкам. Сам он никогда среди него не вращался, никогда не жил одной с ним жизнью. Он всегда стоял особняком от него³. Происходило это частью от общего направления его занятий, слишком отвлеченных и слишком мало гармонизировавших тогдашнему настроению нашего общества, и в особенности с настроением нашей молодежи; частью же от того положения, которое он занимал среди наших литературных партий. По какой-то странной случайности он по-

стоянно держался около лагеря журналов с несомненно реакционной окраской, журналов ненавистных и антипатичных молодежи; его специально научные работы помещались в официальных, правительственных изданиях, его философские и исторические этюды печатались рядом с полицейскими инсинуациями ех-жандармов Громеки, фигурировавшего недавно в роли седлецкого палача, «милого мальчика» Альбертини и иных наездников из клики заматорелого в реакционерстве и всякого рода эксплуататорстве старика Краевского⁴. Любимейшие молодежью писатели, представители нашей радикальной журналистики, относились к нему как к человеку враждебной партии, считали его «отсталым», клеймили его страшным в то время прозвищем реакционера⁵. Понятно, что молодежь сторонилась от него, что между ним и ею существовали если не явно враждебные, то, во всяком случае, крайне холодные, натянутые отношения.

Только в конце шестидесятых годов, когда правительственный гнет достиг, казалось (т. е. казалось тогда, теперь нам это не кажется), своего апогея, когда царские палачи, обрызганные кровью мученика Каракозова, потеряли всякий стыд и впали в какое-то полицейское бешенство,— только в эту несчастную эпоху реакционного безумия, эпоху диких сатурналий распоясавшегося деспотизма, холодные и натянутые отношения между теперешним редактором «Вперед!» и молодежью начали несколько изменяться.

Он оказался в числе «пострадавших»; он сделался одною из жертв ослиной реакции⁶, и этого для молодежи было довольно.

За одно это молодежь была готова все простить, все забыть. Она стала относиться к нему с некоторым доверием, но тогда он сам уже был оторван от нее. Он был сослан, потом жил за границей, затем очутился во главе «русского революционного органа», органа, объявившего себя представителем «радикально-революционной молодежи». Где же и когда же он мог узнать эту молодежь? Нигде и никогда.

Этому-то недостатку практического знания молодежи я и приписывал первые не совсем удачные шаги новорожденного органа. Мне казалось, что человек, никогда ни в теории, ни на практике не занимавшийся революционным делом, не может быть верным представителем революционной партии, вот почему и журнал, во главе

которого он стоит, не может попасть в унисон с общим направлением этой партии, вот почему между ним и ею (или по крайней мере некоторыми ее фракциями) сейчас же возникли недоразумения, холодные, даже враждебные отношения. Вот почему нашлись в ней люди, которые с первого же раза бросили ему в лицо обвинение в измене и предательстве, а некоторые заподозрили его даже в сношениях с III Отделением?

Верно или неверно было мое объяснение, но я находил его тогда вполне правдоподобным и потому думал, что каждый честный человек, признающий пользу журнально-революционной пропаганды и не занятый никакими другими более серьезными работами, что каждый такой человек, — если только он может пополнить пробелы редакции по части знания нашей революционной молодежи, — может и должен это сделать. Я полагал, что я мог, следовательно, и обязан был это сделать.

В течение всей своей литературной деятельности я постоянно вращался среди нашей молодежи, среди наших «детей». Я сам принадлежу к этому поколению, я переживал с ним его увлечения и ошибки, его верования и надежды, его иллюзии и разочарования, и каждый почти удар, который наносила ему свирепая реакция, отражался на мне или непосредственно, или в лице моих близких товарищей и друзей; с гимназической скамьи я не знал другого общества, кроме общества юношей, то увлекавшихся студенческими сходками, то таинственно конспирирующих, то устраивающих воскресные школы и читальни, то заводящих артели и коммуны, то опять хватающихся за народное образование, за идею сближения с народом и опять и опять конспирирующих; я всегда был с ними и среди них — всегда, когда только меня не отделяли от них толстые стены каземата Петропавловской крепости; могу ли я не знать людей, с которыми 10 лет жил одной жизнью, делил пополам и горе, и радость? Мне кажется, что если я хоть в какой-нибудь сфере знаний имею некоторую опытность, то только в этой.

Эту-то опытность я и предложил издателю журнала «Вперед!», ею-то я и думал быть ему полезен.

Меня встретили в Цюрихе с радостью, мои предложения приняли. Мне и на ум тогда не приходило определять какими-нибудь формальными договорами мои отношения к редактору, мое право на контроль и вмешательство в дела журнала, в его *направление*. Однако, чем больше я сбли-

жался с редакцией, тем больше я замечал, что расхожусь с нею по некоторым весьма существенным вопросам, касающимся революционной деятельности молодежи, что я расхожусь с нею во взглядах на самую эту молодежь и на те задачи, которые должен иметь в виду русский революционный журнал.

В то же время, ознакомившись с *организацией* журнала, я увидел — и увидел к немалому моему удивлению, — что в основе ее лежит принцип *единоначалия*, что только одно лицо — полный хозяин дела, только оно одно имеет решающий голос, что все остальные участники могут лишь подавать свои мнения, но не более. Подобная организация, несправедливая вообще, в журнале анонимном становится *возмутительно* несправедливой. В анонимном журнале ответственность за направление его падает в одинаковой мере на всех лиц, принимающих в нем постоянное участие. Она не единична, а коллективна; равная же ответственность естественно предполагает равные права и обязанности. Это ясно, как день.

Но не с одной только теоретической точки зрения я не мог допустить принцип единоначалия; я особенно не могу допустить его с точки зрения чисто практической. Ведь это значило бы предоставить ведение всего дела, дела, близкого каждому революционеру, дела, в успехе которого заинтересована вся молодежь, одному лицу, и притом лицу, по всем своим прецедентам весьма мало внушающему к себе доверие как к революционеру. Я отдаю полную справедливость талантам и знаниям этого лица, и, если бы дело шло о каком-нибудь издании вроде энциклопедического словаря⁸, я бы не стал спорить против его единовластия. Но в деле издания революционного журнала я самым положительным образом восстаю против него. Я самым положительным образом отрицаю его компетентность в решении практически революционных вопросов, в определении истинных потребностей и желаний нашей молодежи, в уяснении ее программы и т. п., потому что я знаю, что эти вопросы лежат совершенно вне сферы его обычных умственных занятий, вне сферы его знаний, вне сферы его житейской опытности.

Само собой понятно, что мои отношения к редакции должны были измениться: прежде всего я пожелал определить их точно и ясно.

С этой целью я составил записку, в которой изложил свой взгляд на те общие требования, которым должна

удовлетворять, по моему мнению, программа русского революционного журнала⁹. При словесных объяснениях, возникших у нас по этому поводу, я достиг того, чего желал. Наши разногласия определились.

Оказалось, что мы расходимся в весьма существенных пунктах; однако я думал, что мы все-таки можем вместе работать, если только мы будем нести в журнале одинаковые обязанности и пользоваться равными правами, т. е. если организация журнала изменится. Не желая совсем ставить этого вопроса на чисто личную точку и щадя по возможности самолюбие почтенного редактора, я потребовал просто во имя справедливости, во имя соображений чисто теоретических предоставление каждому постоянному сотруднику, сочувствующему журналу, равенства прав и обязанностей во всем, что касается литературной и экономической стороны издания.

Я поставил эти требования условием *sine qua non*¹⁰ моего участия в журнале. Мог ли я поступить иначе? Мог ли я взять на себя ответственность за направление журнала, с которым я во многом не согласен и на которое я, однако же, не могу иметь никакого существенного влияния, в котором я не могу делать никаких поправок, никаких изменений? Мог ли я поддерживать орган, претендующий быть представителем всей нашей радикально-революционной партии, когда этот орган находится в единоличном заведовании человека, никогда не принадлежавшего к этой партии, не знающего ее, а если и знающего, то лишь в теории, а не на практике?

Редакция отказалась принять мои условия, я отказался от сотрудничества, этим вполне и окончательно исчерпывался вопрос о наших *личных* отношениях. Но кроме этого *личного* вопроса тут был затронут другой вопрос, вопрос *общий*, вопрос, имеющий, по моему мнению, весьма существенное значение для всей нашей революционной молодежи, вопрос, тесно связанный с некоторыми основными пунктами ее революционной программы. Это — вопрос о задачах и целях русского революционного журнала, т. е. о задачах и целях революционной пропаганды вообще. Около него-то и вертелись все мои объяснения с редакцией; он-то и составляет предмет настоящего моего письма; потому-то я и считал возможным принять предложение некоторых из здешних моих друзей и обнародовать это письмо. Я думаю, что, с одной стороны, оно может послужить к выяснению существенных пунктов нашей ре-

волюционной программы, с другой — бросит некоторый свет на отношение наиболее радикальных кружков нашей революционной молодежи к журналу «Вперед!», оно покажет сторонникам этого журнала, где следует искать истинные причины той холодности, того недовольства, которое проглядывает в этих отношениях. Оно покажет им, что для его объяснения им нечего ссылаться на невежество и легкомыслие русской молодежи, на недобросовестные интриги, на ковы¹¹ каких-то *враждебных* партий и тому подобные призраки их собственной фантазии.

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ВПЕРЕД!»

I

Я отказался от сотрудничества в вашем журнале, потому что вы отказались предоставить мне наравне с вами право решающего голоса в выборе и помещении статей, право контроля над общим направлением журнала*. Но мне было бы прискорбно, если бы вы и ваши сторонники, основываясь на этом факте, вывели заключение, что я разошелся с вами из-за личного самолюбия, из-за вопроса о первенстве. В общем деле, м. г., в деле, касающемся дорогих для меня интересов русской революционной партии, я никогда еще не руководствовался, никогда не могу руководствоваться личными побуждениями; я всегда их приносил и всегда буду приносить в жертву этой партии, этого *общего* всем нам дела, дела русской революции. Я не хочу, чтобы даже *вы* могли превратно истолковать мое поведение, набрасывать тень на руководившие мною мотивы. Поэтому, не довольствуясь нашими личными объяснениями, я вам решаюсь писать. Прочтя это письмо внимательно и обсудив беспристрастно мои аргументы, вы должны будете убедиться, что я поступил так, как обязан был поступить всякий честный человек, дорожащий интересами революционной партии.

Если бы я был во всем согласен с вашим журналом или, наконец, если бы я питал к вам, подобно теперешним вашим сотрудникам, безграничное личное доверие, если бы я видел в вас истинного и настоящего представителя русской революционной мысли, я бы никогда не решился

---

* Я говорю здесь только о себе, потому что другие ваши сотрудники отказались от тех прав, которых я требовал для них и для себя.

поднять вопрос о несправедливости принципа единоначалия. Я бы охотно пожертвовал этим принципом практическому интересу дела; я бы работал у вас; я бы предоставил в полное ваше распоряжение весь тот запас знаний и способностей, которыми я обладаю, и мне на ум бы не приходила мысль спорить о *правах*.

Но вы сами понимаете, что ни я и никто из молодежи шестидесятых годов не мог питать к вам подобного доверия. Мы все знали, кем вы были, прежде чем сделались революционером. Мы знали, что вы половину своей жизни служили на службе у русского правительства, получая от него чины и награды; что вы никогда не мешались в «политику», никогда даже в теории не занимались вопросами, имеющими какое-нибудь непосредственное отношение к социальной революции. Вы всегда держались в стороне от всех наших революционных кружков, вели жизнь, выражаясь вашими же словами, «уединенного кабинетного мыслителя», и притом еще такого мыслителя, который вечно или витал в туманных сферах отвлеченной философии, или совершал благонамеренные экскурсии в область физико-математических и исторических наук.

Ваша мысль, постоянно занятая либо математическими формулами, либо метафизикой, либо философским созерцанием прошлого, была чужда живым вопросам дня.

В «медовый месяц» нашего либерализма, когда все общество увлекалось общественными вопросами, когда у всех лихорадочно бился пульс, когда даже философ Страхов сделался политиком¹², вы и одни вы спокойно беседовали о задачах философии¹³. В то время, когда все честные, молодые, живые силы группировались около представителей нашей радикальной журналистики,— вы работали в лагере Краевского, стояли под знаменем, служившим символом рутины.

Имея за собой такое прошлое, вы не могли и не должны были рассчитывать на полное доверие с нашей стороны. Ваши настоящие заявления слишком резко противоречат всей вашей предшествовавшей жизни. Если бы вы были «флюгером», тогда другое дело, но ведь вы человек с твердыми, весьма ясно определившимися убеждениями. Как же это мог случиться с вами такой удивительный переворот? Как это вы вдруг из спокойного философа, из благонамеренного сотрудника старых «Отечественных записок» превратились в красного революционера, в редактора журнала, объявившего себя органом «ради-

кально-революционной партии»? Такие метаморфозы всегда немножко подозрительны.

Не то чтобы я сомневался в вашей искренности, не то чтобы я не верил в действительность вашего превращения (чего на свете не бывает), но, не посетуйте на меня за откровенность, я не верю, я не могу поверить в его прочность. Мне кажется, что от старых привычек, от старых идеалов, вошедших в плоть и в кровь человека, нельзя так же легко отказаться, как от изношенного платья. Рано или поздно они пробьются наружу и смоют новые, навешанные извне убеждения. Личность, постоянно привыкшая работать в одном направлении, не может безнаказанно перескочить в другое, ему противоположное. *Старый человек* помимо его воли скажется в *новом*. И разве он не сказался в той первой программе, которую вы составили для вашего журнала? Мог ли бы действительный революционер сочинить что-нибудь подобное? Стал ли бы он толковать о возможности *революции* при помощи *легализма*?

Правда, вы моментально отказались от своего изобретения, чуть только увидели, что над ним смеются; вы написали другую программу (говорят даже, что была и третья), но и в вашем новом *profession de foi*¹⁴ сквозь революционные фразы сквозило далеко не революционное содержание. Да, наконец, самая поспешность, с которой вы меняли свои революционные *professions de foi*, не свидетельствовала ли она о шаткости и неустойчивости ваших революционных убеждений? Скажите же по совести, мог ли, имел ли я право доверять вам.

Правда, вы несколько раз старались убедить меня, что ваши *личные* мнения не могут иметь существенного влияния на мнения редактируемого вами журнала, что хотя по своим *приватным* взглядам вы продолжаете стоять на точке зрения первой программы, но что это несколько не мешает вам в *качестве редактора* революционного органа проводить в нем самые радикальные, самые революционные идеи. Таким образом, по вашим же собственным словам выходило, что вы изображаете собой некоторого рода *двуипостась*, первое лицо которой — философ, постепеневец, либерал, верующий в прогресс, а второе — красный революционер, редактор органа «радикально-революционной партии». Но кто же мог мне поручиться, что первое лицо когда-нибудь не поглотит второе, что философ не зажмет рта революционеру и не заставит его

плясать по своей дудке? Напротив, судя по двум первым книжкам «Вперед!», мне казалось, что это поглощение революции философией уже факт совершившийся.

В самом деле: вникните в сущность распространяемых вашим журналом идей и вы сами убедитесь, что они могут привести к торжеству всего, чего хотите, но только не к торжеству революции.

Да нужно ли еще вам в этом убеждаться? Мне кажется, что вы уж давно в этом убеждены и что *именно потому-то* вы и распространяете их. Не примите это за упрек в лицемерии. Нет, вы совершенно искренно *не верите* в революцию и *не желаете* ей успеха. Точно так же вы искренни и тогда, когда толкуете о необходимости революции, когда выражаете твердую надежду на ее несомненное торжество и т. п. Вы только злоупотребляете словами. То, что вы и ваш журнал называете *революцией*, то совсем не революция, по крайней мере не о такой революции мечтает наша революционная партия, не для такой революции должна готовить себя наша молодежь.

II

Что подразумевает ваш журнал под словом *революция*? Народное движение, направленное к уничтожению существующего порядка вещей, к устранению тех исторически выработавшихся условий экономического быта, которые его дают и поработают. Это слишком обще. Какое движение? *Осмысленное, разумное*, вызванное ясным сознанием принципиальных недостатков диких общественных условий, руководимое верным и отчетливым пониманием как его средств, так и конечных целей. Это сознание и это понимание должны быть присущими всему народу или по крайней мере большинству его, — только тогда, по вашему мнению, совершится истинная народная революция. Всякую другую революцию вы называете искусственным «навязыванием народу революционных идей» (кн. I, «Наша программа»¹⁵). «Будущий строй русского общества, — гласит ваша программа, — осуществлению которого мы решились содействовать, должен воплотить в дело *потребности большинства, им самим сознанные и поняты*» (ib.).

Следовательно, революцию вы понимаете в смысле осуществления в общественной жизни потребностей большинства, им самим *сознанных и понятых*. Но разве это